

РАЗВИТИЕ И ПОЛИТИКА

И.В. Следзевский

РАЗВИТИЕ ИЛИ АНТИ-РАЗВИТИЕ? АФРИКАНСКИЙ ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ РАЗВИТИЯ (пересмотр постулатов теории модернизации в африканистике)

Трансформацию постколониальной Африки трудно представить вне взгляда на развитие как на модернизацию, историческую последовательность: от традиционного общества к современному. И вполне закономерно. «Право лицензирования» различных социальных состояний африканского общества как соответствующих или не соответствующих мировому опыту развития по критериям современности (социального прогресса) естественным образом закрепились за теорией модернизации в разных ее вариантах. Определения «традиционный», «современный» позволяли подчеркнуть тотальное значение перемен на фоне событий антиколониальных революций: образования в Африке большого числа национальных государств, падения исторического веса традиционных, предписанных форм социальности (общинных семейно-родовых, этнических), нормативного возвышения новых связей и отношений достижительного типа, базирующихся на профессиональных, имущественных и классовых критериях, росте урбанизации, рыночном освоении природных ресурсов, развитии рынков товаров, капиталов и труда. К этим определениям оказались прочно привязаны представления об экономической и социальной динамике: участие в современном международном разделении труда как фактор внутреннего развития, экспансия товарных отношений, рост

городского населения и т.д., движение от старого – Африки эпохи «родоплеменного» строя к новому – Африке современных государств. Перемены, нарушения устойчивого равновесия приобрели прочные положительные коннотации – реформы, экономический рост, преодоление отсталости и т.п.

«Осовременивание» Африки представлялось, да и сегодня представляется многим единственно возможным, реальным направлением развития африканских обществ. Если движение по пути развития, то куда еще, как не в современность. Безальтернативность этого взгляда говорит о его нормативности. Это позиция определенной нормы, нормативного истолкования социальных изменений. Эмпирической реальности в нем меньше, чем нормативного, предустановленного определения того, что считать традиционным, а что – современным. С теоретико-методологической точки зрения, такая позиция вполне правомерна, но исключительно как способ формирования мыслительных конструкций, ценностно-мотивационных ориентаций, образцов научного знания как формальных структур (типологий, абстрактных классификаций и т.п.). Однако конструирование «идеальных типов» не может подменять содержательный анализ реальных механизмов и траекторий развития, теоретического моделирования качественных изменений в социокультурных системах. Самое большее, что может сделать в сфере такого анализа чисто мыслительная конструкция, – установить сумму и уровень эмпирических отклонений от идеального типа.

Между тем не просто концепции, но целые стратегии развития стран субсахарского региона в послеколониальный период строились в этом ключе, в убеждении, что все-таки существует некий «магистральный путь» преодоления слабозвитости. Эти стратегии охватывали все более широкий круг планируемых приоритетных направлений развития, но исключительно по образцам индустриально-модернистской модели как образцов, рецептов, моторов «большого скачка»:

индустриализация, урбанизация, интенсификация сельскохозяйственного производства, изменение места Африки в международном разделении труда, распространение на все страны деятельности транснациональных корпораций, формирование сверх систем массового образования и здравоохранения и т.п. При этом все время сохранялось убеждение, что планируемые, управляемые, стимулируемые извне изменения непременно вызовут адекватные реакции африканского общества, обеспечат быстрое достижение заданных результатов, запустят самоподдерживаемый процесс модернизации.

Убеждение сохранялось, но все яснее обнаруживалось, что реальные изменения в субсахарском регионе отличаются от предписанных им путей и в общем непохожи на предлагаемые и поддерживаемые извне проекты, образцы, типы развития. Чем шире становился круг приоритетов развития, тем больше эти отклонения сливались в картину развития без улучшения ситуации по большинству современных критериев прогресса.

Отклонения стимулировали теоретический прогресс «социологии развития» Африки. В 70–80-е гг. XX в. в своей содержательной, теоретико-эмпирической основе она ушла вперед по сравнению с общими постулатами теории модернизации.

Ключевое место в формальной структуре теории модернизации занимает дихотомическое различие старого и нового, традиционного и современного как разных типов социокультурной организации общества. Это различие в данной теории служит основой концептуализации и гипотезизации изменений. В африканистике типологизация социальных изменений по схеме «традиционализм – современность» получила очень широкое распространение.

Столь же распространена в африканистике и критика этой схемы. Ее (схему) критикуют за ограниченность, расплывчатость и примитивность, безосновательность противопоставления современного и традиционного как главного па-

раматра описания развития африканского общества [1]. Но сегодня дихотомия «традиционное–современное» существует уже в разных версиях. Признается необъективность, европоцентристская заданность поверхностного однолинейного варианта этой формулы, который отводит африканским традициям ущербное место архаических пережитков, подлежащих замене оппозитивным качеством современности. То, что согласно этой версии, считалось пережитками, получило в одной из базовых дисциплин африканистики – культурной антропологии полноценный статус этнических культур, африканского культурного достояния, африканской самобытности и т.д.

Понятия «социальные изменения», «новые социальные формы», «модернизирующиеся состояния и структуры» уже давно распространились на собственно африканские, «почвенные» институты и отношения. Сейчас уже не вызывает сомнения то, что такие ключевые сферы и типы социальных изменений, как создание современных городов в качестве центров модернизации, возникновение и развитие многочисленных ассоциаций этнического («племенного») типа, включают «африканский традиционализм» в качестве своей естественной социокультурной среды самоорганизации и выживания огромных масс населения. Многочисленными эмпирическими исследованиями доказано, что ключевые элементы традиционного уклада жизни – большие семьи, родовые группировки, общинные структуры, этнические и земляческие общности, институты правителей и вождей, культ предков, вера в родовые святыни и магию, приверженность традиционным обычаям своей группы – не только сохраняют живучесть и устойчивость, но в качестве способа адаптации к быстрым переменам могут видоизменяться и развиваться, превращаться в своего рода побочное, вторичное, дополнительное направление модернизации.

В период формирования африканских государств в 1960-е годы синонимом перемен стал курс на детрибализа-

цию новых национально-политических сообществ. Возник идеал детрибализованного африканца, порывающего с традиционными («племенными») институтами и структурами. Приверженность традиционным этносоциальным и этнокультурным общностям, напротив, рассматривалась как препятствие на пути общественного развития, отражение неразвитости современных отношений и современного типа сознания. «Традиционалисты» противопоставлялись «националистам» как две враждебные друг другу силы, выступающие на стороне либо традиционных («племенных»), либо современных политических институтов.

Сейчас эти представления выглядят идеологизированной конструкцией. Они не соответствуют современному уровню эмпирических знаний о собственно африканском утраченном или видоизмененном и привнесённом, но признанном «своим» – африканском культурном наследии [2]. Жесткое этническое размежевание (трибализм) предстаёт как сравнительно недавняя традиция, не являющаяся в своей основе самобытной, ставшая «африканской» в процессе масштабного разрушения более древних, разнообразных и естественно сложившихся форм социокультурного устройства. Первоосновой этой традиции стал насильственный по форме и модернистский по духу проект колониальной реорганизации захваченных в XIX в. африканских территорий. Внедрялось административное размежевание «туземного» населения на сегрегированные этнокультурные и политические единицы. Новые деления кодифицировались и, таким образом, становились социокультурной реальностью. Это было необходимой предпосылкой сколько-нибудь реального управления африканскими колониями, продуктом деятельности колониальной администрации, нуждавшейся в достаточно консолидированных, постоянных и понятных территориальных единицах управления. Но это не было свойственно более древним африканским традициям, опиравшимся на более гибкие и изменчивые обычноправовые системы, сетевые

структуры разного уровня, локально-родственные типы культурной идентичности.

По отношению к собственно традиционным, локально-сетевым формам социальной интеграции размежевание по племенному принципу выступало как радикальный и даже тотальный вариант модернизации. Он основывался на разрыве с прошлым, внедрении преимущественно новых культурных кодов и ценностей.

В рамках трибализации как колониального проекта были осуществлены классификация и объединение групп родственных диалектов в небольшое число «официальных» племенных языков, кодификация обычаев и норм (что модифицировало практику применения этих норм), формализация, бюрократизация и зачастую ломка традиционных политических институтов, точнее, того, что признавалось официально «туземными» институтами. В то же время трибализация, а еще раньше произвольное разделение, рассечение колониальными границами традиционных этнокультурных ареалов и сетевых сообществ резко затруднило естественное движение региона по естественному пути социальной эволюции, и, прежде всего, возможности консолидации надэтнических, региональных и межрегиональных общностей.

Не следует ли отсюда, что именно колониальный проект трибализации захваченных территорий, подвластного населения (безотносительно к естественным и многообразным формам его самоорганизации) дает толчок тому, что мы сегодня называем «традиционным африканским обществом»? Ведь этот проект привел к несомненным качественным изменениям в самом способе структурирования общества. Возникли новые, не имевшие прежде самодовлеющего значения, трибажистские или этнические идентичности, были широко внедрены трибажистские (этнополитические) традиции и институты. А за ними – определенное и открытое целеполагание: идеальная модель переустройства, переделки, ломки аф-

риканских традиций в новом социально-экономическом и политическом контексте.

«Классическая» теория модернизации базируется на целом ряде постулатов (допущений), которые не всегда формулируются открыто, но, тем не менее, наделяются универсальным значением, отражают как дихотомную классификацию социальных состояний («традиционное – современное»), так и принимаемое за норму направление развития (от традиционного к современному). Предполагается, что формируемый в процессе перехода социальный порядок должен в общем воспроизводить порядок развитых стран (в либеральной версии современных западных демократических обществ), что все процессы либерализации – экономические, социальные, политические и т.д. – должны происходить одновременно после начала модернизационного сдвига. Первый постулат исходит из наличия в процессах модернизаций только двухстационарных состояний, одно из которых (современное) выражает тотальность изменений, а другое (традиционное) – их отсутствие или статичность. Второй постулат связан с представлением о системном характере общественной организации и ее развития: изменения в какой-то одной сфере общественной жизни должны вызывать аналогичные, системно ориентированные изменения и в других сферах.

Оба постулата – тотальности и одновременности изменений представляют собой нормативные (точнее говоря, нормативно-ценностные) предпосылки теории, то есть относятся к ее формальному аспекту, формальной структуре знания, наряду с общей классификацией «традиционное – современное». Это надо подчеркнуть, поскольку африканский опыт модернизации расходится с общими допущениями.

Политика структурных реформ, проводившаяся африканскими странами в 1960–1970-х гг. (создание государственного сектора экономики, инвестиции в промышленное развитие, развитие здравоохранения и образования, африка-

низация госаппарата), сопровождалась централизацией государственной власти и ее возвышением за счет развития собственного гражданского общества. То, что модернизация в социально-экономической сфере происходит за счет ущемления роли и возможностей развития гражданского общества, ясно проявилось к началу 1970-х гг. в тенденциях авторитарного типа: создание режимов личной власти и их укрепление благодаря развитию патронажно-клиентельных сетей; усиление силовых структур и репрессивных методов управления; ограничение возможностей развития гражданского общества либо путем вовлечения общественных лидеров в исполнительную власть, либо путем применения к ним репрессий; расширение государственного аппарата и концентрация государственных полномочий в руках исполнительной ветви власти. Этот сдвиг был объяснен спецификой модернизационных процессов в бывших африканских колониях (превращение централизованного государства в условиях отсталости в главного агента развития, необходимость борьбы с трабализмом) и представлен как начало форсированного развития африканского общества, его преобразования [3].

Однако уже к началу 1980-х гг. стало понятно, что этатистская модель развития в Африке южнее Сахары противостоит не только принципам современных западных либеральных обществ, но и становлению современных форм государственности, включая такое ее необходимое качество, как выполнение государством своих базовых функций. Так называемые новые правящие элиты, на которых в либеральной версии теории модернизации возлагалась роль посредников между «традиционными» обществами и институциональным порядком наций-государств, на глазах вырождались в антигосударственные бюрократические группировки, «системно» расхищающие общественные ресурсы через государственные и полугосударственные компании и корпорации, правительственные и общественные организации. Политические системы, скроенные по современным образцам государ-

ственно-партийных структур, быстро приспособлялись к потребностям системной коррупции, трансформировались в патронажно-клиентельные структуры покровительства «своим» в обмен на их личную преданность. Это, в свою очередь, вело к тотальной политизации этничности, которая превратилась в форму борьбы внутри африканских элит за власть и ресурсы и одновременно в форму сопротивления населения экспансионизму квазигосударственной машины.

Вспять повернулось развитие африканского национализма. Из мобилизационной идеологии государственного типа, относившейся к этничности как к «реакционному прошлому» африканских стран, он превратился в официальное прикрытие или прямое выражение политизированной этничности – ценностей, навыков, институтов кланово-племенной и регионально-земляческой солидарности.

Слабая экономика не выдерживала тяжесть бурно развивающихся рынков экономической коррупции и приходила в упадок. Центральная власть все больше и неотвратно оказывалась в положении слабеющего «политического игрока», способного контролировать лишь часть национальных ресурсов и национальных территорий и не способного выполнять в полном объеме функции государства. С полной очевидностью это обнаружилось в 1990-е гг., когда многие государства региона оказались охвачены вооруженными выступлениями оппозиции, восстаниями на почве этнорегионального сепаратизма, затяжными и кровавыми межэтническими конфликтами.

При всей вере в прогресс и современность в этих трансформациях африканской государственности трудно обнаружить вектор «тотальной» модернизации. Зато ясно видны векторы и проявления иных типов социальных динамик: нисходящей (широкое развитие явлений и зон асоциальности), попятной (расцвет трибализма), хаотической (выживание населения в зонах затяжных конфликтов и гуманитарных катастроф). Обнаружилась высокая степень преемственности

авторитарных методов правления в независимой Африке по отношению к колониальным порядкам, но без характерного для колониальных режимов четкого размежевания между «хозяевами» и «слугами», правящей верхушкой и повинующимся населением. А вместе с традициями колониального авторитаризма и возрождение того, что в политической антропологии и социологии получило название «традиционное господство: прорастание сквозь фасад современной государственности феномена нерасчлененной власти и собственности, развитие современного государства структур патримониального типа, в которых власть целиком находится в руках правителя, основывается на отношениях господства – подчинения, бюрократия трансформируется в «патримониальное чиновничество», лишенное таких ее идеальных черт, как четкое разграничение полномочий, рациональная модель поведения в рамках формальной (должностной) иерархии, отсутствие личного присвоения должностей и связанных с ними привилегий и полномочий и т.д. [4]

Все это, конечно, очень далеко отстоит от базовых постулатов теории модернизации. В формальных координатах теории модернизации, с точки зрения ее основных допущений, догоняющее развитие упирается в несколько парадоксов. Первый из них определяется как парадокс средств и целей модернизации: форсирование модернизации путем централизации государственной власти, возвышения государства над обществом приводят к утрате модернизационной сущности изменений: остановке и повороту вспять процессов консолидации наций-государств, этнизации политики и власти. Цель и средства модернизационного проекта вступают в противоречие друг с другом.

Другой парадокс – парадокс одновременности – заключается в том, что политические и экономические изменения оказывается невозможным осуществлять одновременно. Современные экономические и политические институты требуют друг друга в качестве собственной необходимой пред-

посылки. Современный рыночный механизм и современный бизнес не могут получить должного развития, поскольку они упираются в неэффективную псевдогосударственную, неотрадиционную, этноклановую систему регулирования экономики, а институциональный политический порядок, который способен был бы стать противовесом режимам личной власти, не находит предпосылок для своего развития из-за слабости гражданского общества, в частности современного бизнеса.

Необходимо отметить, что эти противоречия, действительно, являются парадоксами только в рамках отмеченных выше постулатов классической теории модернизации: тотальности и одновременности модернизационных процессов [5]. Если эти предпосылки не принимать во внимание или считать их условными, парадоксы отпадают сами собой. В африканистике основные постулаты теории модернизации стали пересматриваться на рубеже 1980-х гг. Эта тенденция получала все большее признание по мере того, как авторитарные режимы в африканских странах выбрасывали за борт принципы разделения власти, политического плюрализма, автономии гражданского общества. В появившихся в этот период и позднее концепциях «африканского развития» общественные изменения в основном перестали рассматриваться как процесс воспроизведения опыта развитых стран, индустриально-модернистской парадигмы развития с заранее заданными конечными результатами.

Эти концепции довольно просто преодолевали указанные парадоксы на содержательном уровне, подчеркивая значительную инверсионность модернизации южнее Сахары, связи ее с процессами не только социальной интеграции, но и дезинтеграции африканских стран и спонтанного распада в ряде случаев структур централизованной государственной власти. В конце 1970-х гг. американский политолог У. Зартман выдвинул идею упадка современной государственности и возвращения к традиционализму в беднейших

странах континента в результате прогрессирующей нехватки ресурсов, обостряемой высокими темпами роста народонаселения [6]. В 1990-е гг. широкое распространение получили идеи ослабления африканских государств (кризисы «государства-рантье») и, соответственно, усиления «неформального сектора общественного развития» как главной составляющей выживания населения и регуляции социальных отношений [7]. Объяснение механизма этого кризиса дало толчок появлению концепций антимодернизационной, неотрадиционной и коррупционно-криминальной организации власти в постколониальных африканских государствах: концепции «неформальной политики», «культуры политической коррупции», власти «клептократии и лутократии (воров и грабителей)» [8].

В рамках отечественных теорий «развития слаборазвитости» появились опирающиеся во многом на африканский материал концепции «негативной экономики» («неокриминальной квазиэкономики», «деструктивной паразитической», «трофейной экономики»), «форсированного становления клептократии как системного проявления «негативной экономики» и деструктивных форм организации власти («теневых сторон этатизма») [9].

Теоретическим стержнем этих концепций выступает понятие «деструктивное развитие», которое интерпретируется как процесс мутации общества Модерна, связанный с распространением («индустриализацией») криминальных и асоциальных способов извлечения прибыли (от поставленного на поток производства наркотиков и нелегальной иммиграции до системного казнокрадства и отмыwania грязных денег) [10].

Содержательный аспект новых концепций, то, как они интерпретируют постколониальную социальную динамику африканских обществ, выходит за рамки канонической схемы модернизации от «традиционного к современному». В понятия «государство-рантье», «клептократия», «нефор-

мальный сектор общественного развития», «деструктивное развитие» невозможно вместить представления о модернизации как линейном, векторном, восходящем движении по пути в современность. Идеал современности («развитое общество») и реальная африканская современность (именно современность, а не пережитки прошлого) оказываются в кричащем противоречии друг с другом.

Новые концепции проблематизируют каноническую схему модернизации – это очевидно. Но в какой степени и с какими результатами для самой этой схемы? Ответить на этот вопрос можно только с учетом того, с каким фоновым знанием соотносятся эти концепции и как далеко это знание отстоит от дихотомии «традиционное–современное».

Фоновое знание социальной динамики современной (постколониальной) Африки в 1980–1990-е годы существенно, можно сказать, радикально изменилось. На более раннем этапе практически все модернизационные ожидания связывались с политикой правящих африканских режимов. Как само собой разумеющееся воспринималась связь модернизации осовременивания африканских обществ с «выбором» правящим режимом пути развития и политическими («сверху») способами регуляции социальных процессов. Это отразилось и в усилении в 1970-х гг. позиций «элитологии», создавшей образ африканской политической и интеллектуальной элиты как самодействующей и самозначимой категории модернизации. Такого типа фоновое знание вполне соответствовало дихотомии «традиционное – современное» и, более того, определялось ею. Новые элиты должны были вывести Африку из «Царства традиций». Однако позднее место «политического фона» ожидания модернизации занял «фон культурный»: соотношение развития и самобытности (идентичности африканских обществ – мотиваций ценностей, смыслов, культурной преемственности как ядра стабильной жизни и деятельности общества). Появление «культуроцентристского» фона в основном сделало возможным про-

блематизацию старого понимания модернизации как линейного, одновекторного перехода от «традиционного» к «современному». Даже власть африканской клептократии связывается с социальной историей и культурой народов, традиционно вовлеченных в регулярные коммерческие связи [11].

В содержательном плане это означало обновление теории развития, в том числе преодоление жесткой дихотомии признаков «традиционное–современное», придание этим признакам большей предметности и аналитичности. «Традиционное» стало отождествляться прежде всего с самобытностью как фактором, определяющим переход к современности [12]. В то же время отправным моментом в оценке специфики, адекватности и перспектив модернизационных сдвигов стало понятие «эндогенное развитие».

Культуроцентризм, принцип равенства культур превратился в одну из главных ценностей и форм презентации африканского модернизационного проекта, способ африканизации идеи развития. Слово «идентичность» в значении «афроцентризм», «обращение к корням», «возрождение африканской» подлинности заняло такое же место в самосознании современных африканских элит, как и понятие «развитие».

Но в формальном аспекте, с точки зрения целостного охвата в понятиях, образах множества элементов и субъектов изменений, придания этим изменениям общего смысла и понятной направленности, развитие данной теории вряд ли означало ее укрепление. Увязывание идеала «вхождения в современность» с принципом культурного разнообразия скорее означает разрушение этой теории как, единого нормативно-ценностного и образного пространства. То, что определяется как специфика модернизации (национальная, цивилизационная), ее эндогенная форма или направление, в нормативно-ценностном отношении образуется в результате отталкивания от идеального, «западного» опыта, противопоставления

им идеального «образа себя и своей культуры», конструирования на этой основе «собственного проекта» будущего, который заимствует лишь отдельные элементы европейского опыта. Как фоновое знание такая теоретическая модель, по определению, не может быть целостной, она неизбежно распадается на противостоящие друг другу ценности, нормы, образы, идеалы. Идеал равенства культур, связанный с претензией на национальную религиозную, региональную исключительность, вступает в противоречие с «западным» идеалом равенства людей, их приоритетного права на свободную и достойную жизнь.

Первым и явным проявлением кризиса теории модернизации стала общая релятивизация ключевых для нее понятий «развитие», «современное/традиционное общество».

Релятивизация основ теории разрушала классическую модель модернизации сразу по нескольким направлениям: методологическому (критика понимания осовременивания как вестернизации, как уподобления развития только одному типу социальности); теоретическому (введение альтернативных понятий «самобытность», «самобытное развитие», «неопатримониализм», «клептократия» и других, фиксирующих формально разные варианты взаимодействия модернизации и традиционности: симбиоз, синтез, противостояние, системный социокультурный кризис); нормативно-ценностному (критика «западного империализма» как определенной культурной и идеологической практики) [13].

В то же время и тогда, и сегодня остается неясным, как далеко может зайти в итоге культуралистской критики кризис теории модернизации как общего для всех развивающихся стран движения за каким-то единым образцом (западным, современным) и как этот кризис способен отразиться на состоянии научного знания о развитии в целом.

С одной стороны, позитивное содержание критики теории модернизации может рассматриваться как замещение «одностороннего понимания» осовременивания (как уподоб-

ления общества готовым внешним образцам: Западу, современной цивилизации, моделям национального государства, гражданского общества и т.д.) более научным, объективным подходом. Это характерно для критики концепции вестернизации. Критикуется не просто понимание модернизации как вестернизации, но самый принцип умозрительного, идеологически и культурно ориентированного моделирования социальных и культурных изменений по образцам более развитых и «успешных» обществ. Предлагаемый альтернативный подход (концепции самобытного развития) претендует на роль и статус реалистического знания, на эмпирическую полноту восприятия истории и культурного наследия неевропейских цивилизаций, на «адекватное понимание специфики общества, его своеобразия, характера сложившихся в обществе духовных ценностей, трудовых ориентаций, символических структур, менталитета» [14].

Реализм такого подхода, важность специфики «собственного развития» незападных стран обосновываются скорее номологическим (законосообразным) способом. За отправной пункт создания более адекватной теории берутся объективные, закономерные факторы и обстоятельства: дифференциация стран «третьего мира» в зависимости от условий развития, разнообразие современных переходных обществ и присущей им внутренней социальной динамики, частые и тяжелые срывы в процессах догоняющего развития. Как закономерное начало социокультурной многоукладности современного мирового развития выделяется базовое противоречие модернизационного процесса: наложение на внутреннее, собственные закономерности и структуры доиндустриальных обществ форм социокультурной регуляции, характерных для развитых (западных) стран. Проявления модернизации – повышение степени мобильности населения, широкое освоение природных ресурсов, расширение вторичного (переработка, торговля) и третичного (услуги) секторов хозяйства, развитие рынков товаров, капиталов и труда, обра-

зование централизованных национальных государств, приобщение различных социальных групп к современной культуре и т.д. – могут фиксироваться эмпирически. Результаты этих процессов – реальные изменения также не могут быть определены умозрительно, поскольку они зависят от эмпирических обстоятельств, конкретной структуры ситуации (религиозной, этнической, политической и т.д.) в стране или регионе.

С другой стороны, итог критики теории модернизации уже в 1980-е гг. можно было представить и противоположным образом. Как уточнение, дифференциацию, конкретизацию прежней предельно умозрительной схемы модернизации, ограничение ее значения ролью концепций – моделей, снабжающих наблюдателя (аналитика, эксперта, теоретика) более разнообразными формальными схемами, идеальными образцами и образами. Ключевые для этой теории парные понятия («традиционное – современное», «самобытность – развитие») и устанавливаемые ими различия обладают высоким уровнем всеобщности, что характерно как раз для идеальных, чисто формальных, умозрительных схем.

Никакого собственного смысла эти различия не несут, поскольку сами по себе, в чистом виде они ничего не дают для понимания частной, конкретной реальности. Характеристика социальных изменений просто как развития – столь же пустое определение, как и сами по себе определения «традиционный», «современный», «самобытный». Как таковые, оторванные от эмпирического материала, они являются лишь направляющими идеями, ценностно-нормативными ориентациями, которые побуждают или даже заставляют исследователя обращать внимание на различия сравниваемых обществ и культур. Эти идеи могут иметь эмпирическое приложение. Но для этого формальные схемы должны быть адаптированы к изучаемой ситуации: уточнены с точки зрения условий, которые делают схему примерно соответствующей реальности, и заполнены эмпирическими или историческими данными.

Выдвижение на первый план параметров самостоятельности, специфики, стабильности общества в ситуации воздействия динамичного Запада может быть истолковано именно как адаптация общей формальной схемы модернизации (развитие как движение в сторону современной цивилизации) к условиям самоопределения и дифференциации стран «третьего мира», повышения их роли в качестве самостоятельных субъектов мировой истории, культуры и политики. Это необходимо подчеркнуть, поскольку в марксистской критике «социологии развития» дихотомия «традиционное – современное» критиковалась прежде всего за использование входящих в нее понятий как чисто формальных, идеальных. Между тем идеальные категории, понятия-нормы: «самобытность», «традиции», «культурное достояние», «связь времен», «стремление к новому», «самобытное развитие» и т.д., в 1970–1980-е гг. наполнились таким разнообразным эмпирическим содержанием, что и эти категории, и лежащие в их основе идеальные, умозрительные схемы уже могли трактоваться в однозначно реалистическом смысле как эмпирическая (то есть обусловленная сугубо конкретными условиями времени и места) реальность. Во всяком случае, на роль реального, эмпирического знания стали претендовать формальные гипотезы-предположения, теоретические постулаты: экономический рост рано или поздно покончит с бедностью, слаборазвитостью; рост числа «богатых» во всех случаях позитивно сказывается на доходах бедных; нормальный экономический рост (в том числе и беднейших стран) – это непременно рост, основанный на увеличении экспорта и притока внешних инвестиций; ценности играют непосредственную и первичную роль в социальных изменениях или, напротив, являются отражением социально-классовых структур, если изменение затрагивает один из элементов организации общества, то это должно повлиять и на все остальные (так называемая когерентность структур); «неформальная экономика» всегда и всюду является маргинальной и, таким

образом, не может выполнять функции интеграции и структурирования общества. Многие из этих предположений постулатов оказали большое или определяющее влияние на политику и стратегии структурных реформ африканских экономик.

Таким образом, серьезное обновление теории модернизации в 1970–1980-е гг. так и не дало ясного ответа на вопрос, чего больше в этой теории – умозрения или реальности, и, вообще, в чем заключается ее значение как теории. Неясен самый статус этой теории: является ли она научной теорией как таковой, т.е. интерпретирующей модернизационные процессы с точки зрения эмпирических закономерностей социальных изменений, или же речь идет в первую очередь об идеальной схеме (схемах), устанавливающей с той или иной степенью эмпирической вероятности норму, образец, ценность того, что мы определяем как осовременивание общества. Эволюцию теории модернизации можно истолковать и в первом и во втором смысле: это теория, становящаяся все более «научной», или теория, все более ориентирующаяся на идеалы культуроцентризма, на релятивизацию единой линии прогресса мировой истории, общего мирового развития.

Так, в чем значение теории модернизации? Неясность в этом вопросе возникает от того, что не учитывается адекватным образом связь и одновременно значительная дистанция между двумя способами теоретического познания: законом (характеристика процесса через определяющий его объективный закон) и моделью (умозрительная схема, идеальная рамка, позволяющая обратить внимание на различие/сходство изучаемых объектов). Закон обладает качеством универсальности действия при сходных условиях состояния систем, сходных структурах ситуаций. Идеальная модель, то есть абстрагированная от реальности, приложима лишь к особым, идеальным ситуациям, не учитывающим всего многообразия эмпирических условий и способным

лишь приблизительно соответствовать эмпирической реальности.

Неопределенность относительно степени научности теории модернизации, на наш взгляд, может быть снята, если учитывать то место, какое занимают в образующих ее старых и новых концепциях элементы реального и умозрительного (идеального) значения. Лежащие в ее основе дихотомические схемы, по сути, не содержат никаких эмпирических характеристик, которые носили бы всеобщий и безусловный характер. Ясно, что осовременивание общества представляет собой в высшей степени относительное явление, условный, ограничиваемый структурой ситуации исторический процесс. Если интерпретировать факторы и тенденции этого процесса в совершенно реалистическом духе, определяя уровень осовременивания общества и культуры как нечто эмпирически строго определенное, то и интерпретации в чем-то окажутся ложными.

Базовое положение теории о том, что движение доиндустриальных обществ, основанных на традиционных типах социальности, идет исключительно или в основном в направлении обществ развитых стран, и это составляет сущность модернизации [15], представляет собой типичную теорию-предположение, теорию-рамку, которую нельзя ни доказать, ни опровергнуть абсолютно, поскольку ее задача — идеализировать (нормировать) множество реальных ситуаций социальных изменений, представив их как одну смоделированную ситуацию.

Впрочем, от этого идея осовременивания периферийного типа не теряет своего научного или даже решающего теоретического значения. В смысле обеспечения единства концептуальных подходов, интерпретаций эмпирических данных формальная схема необходима. Она оказывается в центре развития теоретического знания, когда открыто и решительно ориентирует это знание на создание теорий в собственном смысле этого слова, то есть объясняющих отдель-

ные, действительно наблюдаемые и эмпирически фиксируемые социальные изменения. Без формальных моделей в этом случае просто не обойтись. Без схемы «традиционное – современное», выраженной через эмпирические данные, анализ реальных ситуаций, невозможно было установить, например, четкую эмпирическую зависимость всех современных секторов африканской экономики от поступления импортных ресурсов вследствие несовместимости современного технологического сложного оборудования с низким уровнем переработки местного сырья [16]; корреляцию между структурными реформами африканской экономики с целью всемирного развития современных рыночных механизмов и усилением позиций неформального сектора экономики; прямую связь между динамизацией роста этого сектора и трансформацией экономических структур (рынков труда, товаров и капитала), и социальных отношений, институциональных и правовых систем [17]. Уже поэтому идея (идеал) модернизации не может быть полностью ложной, ненаучной по сути.

Однако в исследовательской практике необходимость использовать идеальные категории и схемы в теоретических обобщениях, при построении концепций сплошь и рядом выливается в приписывание этим категориям и схемам статуса самой реальности, качеств сущности и существования, законов и условий их реализации. По поводу многих этих концепций можно заметить, что они предлагают эмпирические выводы, претендуют на эмпирические обобщения, делают предсказания, которые чаще всего не подкрепляются достаточной суммой эмпирических данных. Таковы, например, попытки представить противоречия модернизации в ограниченном числе эмпирических моделей (синтез, симбиоз, противостояние самобытности и современности); представление «традиций» (чисто идеальная категория) как реальной базы внутреннего развития, линейности общественного развития, наличия в нем универсальных стадий как проявления действий объективных социальных законов. Трудности, с которыми

ми сталкивается теория модернизации как определенная форма структуры научного знания, имеют своей причиной смешение содержательной и формальной сторон теории, формы знания и реальности или, более того, теории в собственном смысле слова и формальной теории [18]. Идеальные схемы и понятия модернизации, формальные модели – вестернизация, самобытное развитие, прогрессивные изменения и т.д. – получают номологические значения. Поэтому содержательное уточнение и расширение представлений о путях осовременивания общества, о первичной роли в этом процессе социокультурной системы, которая воплощена в самобытности этого общества, воспринимаются как релятивизация центральной идеи теории модернизации о догоняющем развитии как «столбовой дороге» современной цивилизации.

Спутывание модели и закона, формы и реальности объясняет, почему возможны противоположные и, по сути, произвольные интерпретации статуса теории модернизации и направления к эволюции (то ли в сторону большего эмпиризма, большей научности, то ли в сторону культурного релятивизма и большей идеологизации). В этом заключается имманентная слабость, потенциально кризисная основа состояния «социологии развития» в целом.

Объяснение (развитие по образцу, заимствованному или альтернативному, самобытному) смешивается с предвидением (утверждение господства Запада или, напротив, утверждение не-западных цивилизаций). Завышенной оказывается и способность теории к предвидению (прогноз ускоренного построения обществ современного, индустриального типа в Азии, Латинской Америке и Африке).

Предпосылки кризиса «социологии развития» возникли неслучайно. Они отражают вполне определенную ситуацию, в которой формируется знание о развитии стран «третьего мира», формируется как специальная теория развития. На эту ситуацию, ее структуру влияние оказали или оказывают большие номологические притязания общей идеи

развития; традиционная приверженность макросоциологии реалистической интерпретации социальных феноменов; отрицание или недооценка значения формальных (умозрительных) теорий как не представляющих интереса или вообще нелегитимных; смешение (не без влияния обыденного сознания) идеальных, нормативных категорий (идеалов) и эмпирической реальности; непосредственная связь «социологии развития» с практикой – экономическими, политическими, идеологическими запросами развивающихся стран.

С этих позиций можно и нужно определить и предел кризиса теории модернизации (и в целом «социологии развития»), за которым неизбежно ее саморазрушение как научного знания. Интерпретация в духе реализма идеальных категорий и умозрительных схем, то есть без адаптации их к реальности, способна не только приводить теорию к ложным прогнозам, но и выводить ее за грань науки – в область утопий, мифов, идеологий. Утопично, например, противопоставление друг другу традиционного и современного обществ, общины и современного «большого» социума, если это противопоставление (стагнация динамизм, гармония – противоречие, органическая – механическая солидарность) трактуется как реальность. Столь же утопичны представления о возможности реализации в чистом виде самобытного развития или, напротив, полное отрицание такой возможности и представление развития как «очереди» к современной цивилизации.

В этой логике предел кризиса теории модернизации может быть истолкован как претворение на практике ее идеальных аспектов, доведение до крайности реалистического восприятия формальных моделей. На основе формальных теорий можно сделать не только ложные выводы и предсказания. Но и опасные практические шаги макросоциального масштаба, способные повлечь за собой непредсказуемые, тяжелые последствия.

Развитие Африки (стран субсахарского региона) как проблема теоретического знания интересно в первую очередь как раз доведением до такого предела реалистических интерпретаций формальных моделей развития и последствиями этого «предприятия», в том числе и для самой теории.

Воздействие теории модернизации на внутренние процессы развития африканских стран, возможно, не было бы столь значительным, если бы ее восприятие ограничивалось рамками чисто интеллектуальных конструкций и идеологических утопий, оправдывающих власть новых правящих элит. Но формальные модели модернизации здесь трансформировались в нечто большее и инструментальное: они стали основой стратегий развития региона, а по мере их реализации – образом, конструкцией, способом целеполагания того или иного приоритетного направления развития. Эти направления неоднократно и радикально изменялись. Параметры и критерии «встраивания» в современность пересматривались и уточнялись. В 1960–1980 гг. модернизация общества по типу индустриального развития (индустриализация экономики, урбанизация, переход к массовой системе образования и здравоохранения). В 1980-х гг. самообеспечение продовольствием в континентальном масштабе, обеспечение национального суверенитета над природными ресурсами и их мобилизация с целью обеспечить хотя бы минимальное благополучие населения, развитие транспорта и связи для создания необходимой инфраструктуры развития и повышения уровня региональной интеграции.

Радикальный отказ с конца 1980-х гг. от этатистской, социально направленной модели модернизации и переход к неолиберальному и глобалистскому проекту социальных реформ: распространение на отдельные страны транснациональной финансово-экономической бездеятельности; либерализация условий международных хозяйственных и финансовых отношений; резкое, в духе неолиберальной идеологии, сокращение экономической роли и функций государства;

уменьшение затратных, социально ориентированных статей госбюджетов.

Но общая, нормативно-ценностная рамка этих поисков в целом оставалась неизменной, идеальной, внешней по отношению к реальным условиям развития. Повторим: побудительным стимулом смены одной стратегии на другую оставалось убеждение в существовании некоего магистрального пути преодоления слаборазвитости, движение по которому уже само по себе снимает ограничения на прогресс. В реальности, правда, развитие мировой экономики – от индустриализации национальных хозяйств и консолидации национальных государств к неолиберальной политике уменьшения роли государства, широкой приватизации, дерегуляции международных хозяйственных и финансовых связей, – все дальше уходило от этой формальной схемы. Тем не менее сохранялся основополагающий идеальный принцип догоняющего развития – вера в то, что заимствование и копирование чужого опыта и образцов модернизации сами по себе могут обеспечить необходимые общественные сдвиги.

Не менее примечательно то, что все планы скорейшего вывода региона из состояния социально-экономической отсталости практически полностью отождествляли идеальный вектор изменений – прогресс, копирование признаков модерности с объективными факторами и тенденциями социокультурной эволюции. Статус объективного, эмпирического знания получало то, что в действительности являлось лишь гипотезой, формальной теорией-предположением, теорией-возможностью. Предположение, что развитие современного (национального) государства, коммерциализация аграрного сектора, мобилизация природных ресурсов и стратификация развивающегося общества неминуемо вызовут разложение собственно африканской социальности – общинно-родовых, этносоциальных (трибалистских) структур – и затем приведут общество именно туда, куда оно должно прийти – к перевесу развития над отсталостью, прогресса над

антипрогрессом, хорошего над плохим. Это имело и вполне определенные последствия. Прежде всего, появление иллюзии возможности не только регулировать, но и контролировать и предвидеть социальные изменения в масштабе государств, которые не имели адекватной социально-экономической основы для такого контроля и управления. Удивительны простота и легкость, с какой эти планы превращались в то, чем они не были и, по сути, не могли быть, – в инструмент предвидения социальных изменений. Для этого идеальный вектор модернизации надо было воспринимать и интерпретировать исключительно в духе реалистической иллюзии.

В той мере, в какой теория модернизации опирается на реальную эмпирическую основу, она сохраняет возможность критики своих формальных, идеальных оснований. Очевидно также, что это необходимое условие развития теории как научного знания. Однако в отношении африканских стратегий развития второй половины XX в. выход концепций и стратегии африканского развития за рамки чисто формальных моделей оказался заблокированным. Главную роль в этом сыграл синдром «периферийного», постколониального сознания европеизированных африканских элит.

Этот синдром вновь и вновь возрождал идеи «цивилизующего прогресса», «тотальной прогрессивности» современной цивилизации Запада, индустриальной экономики, рыночной системы, либеральной демократии и т.д., присущей этой цивилизации чудесной способности облагодетельствовать всех людей, реорганизовать и, по выражению А. Рубцова, «привести в чувство едва ли не весь мир, и в ближней среде обитания и глобально» по формуле: «Цивилизация выводит заблудших и недозревших из варварства, люди делают людей из нелюди» [19].

Эти идеи и связанное с ними мироощущение не ушло полностью ни из европейского, ни из африканского сознания.

Сегодня утопизм идеи превращения африканских государств, африканских форм социальности и культурных коммуникаций в копию обществ модерна кажется уже очевидным. Это вполне достоверная оценка результатов развития обществ и стран региона в XX в. и особенно за последние 30–40 лет. Пришло время практической критики самой формальной модели догоняющего развития и лежащих в ее основе принципов.

Очевидны неудачи региона на пути догоняющего развития, особенно с точки зрения реализации его идеального вектора – устойчивого улучшения жизни большинства населения. Даже по минимальным показателям прогресса (качество питания, уровень здоровья, продолжительность жизни, характер труда, степень социально-политической стабильности) страны региона не приблизились к развитому миру. Несмотря на мобилизацию природных ресурсов, многократный рост ВВП, значительное снижение удельного веса сельского хозяйства (с 41 до 20% за 1960–1980 гг.), при соответствующем росте промышленности, строительства и сферы услуг, модернизация общества не приобрела качественного и устойчивого характера. Нарастание промышленного и сельскохозяйственного потенциала развития носило экстенсивный характер и обернулось деградацией аграрного сектора, масштабным разрушением традиционных хозяйственно-экологических систем, общим усилением зависимости африканских экономик от мировой хозяйственной конъюнктуры по важнейшим видам их традиционных сырьевых товаров.

Наблюдается растущий разрыв между используемыми средствами – материальными, финансовыми – и результатами модернизации. За почти полувековой период существования стран субсахарского региона как формально независимых государств в поддержание существования и развития этих государств вложены огромные материальные ресурсы в виде прямых инвестиций, кредитов, субвенций, помощи со стороны развитых стран и международных финансовых ор-

ганизаций. Создано множество государственных и межгосударственных структур, применены конкретные программы финансовой стабилизации и структурной перестройки африканских экономик, обозначены особые подходы к наименее развитым странам – и все ради того, чтобы сдвинуть в сторону прогресса развитие этой части мира, поднять в перспективе уровень и качество жизни большинства африканцев. И каков результат? По основным показателям прогресса ситуация в регионе в целом ухудшилась относительно многих других развивающихся стран. Из 53 государств Африки 33 относятся к группе наименее развитых. Уровень бедности в городах региона (42% городского населения) значительно превышает аналогичный показатель для всей группы развивающихся стран (28%) [20]. Социально-демографическая ситуация в ряде стран имеет признаки социальной катастрофы и демографического коллапса: хроническое недоедание и массовые случаи голода, малоземелье в деревне и раскрестьянивание сельского населения в города, пауперизация городского населения и т.д. В координатах прогресса эти тенденции могут быть определены скорее как анти-прогресс, анти-развитие [21].

Новый смысловой фокус концепций развития Африки

С трудностями дальнейшего развития постколониальная Африка столкнулась далеко не сегодня. Некоторые проныцательные наблюдатели предвидели трудности уже в 1960-е гг. [22]. Почему же только сегодня эти трудности оказались в фокусе научного анализа и мирового общественного внимания? И откуда, из каких пластов знания возникают возможность и реальность подобной фокусировки изменений, резкие, обобщенные, далеко идущие характеристики, негативные образы и метафоры (утопия и провал дальнейшего развития, «кризис Африки» и т.п.)?

В нашей интерпретации это объясняется не только эмпирической реальностью социокультурных трансформа-

ций в современной Африке – они слишком ситуативны, сложны и многообразны, чтобы их можно было подвести под одну общую схему.

В полной мере это объясняется изменением априорных условий познания и понимания этой реальности, глубокой трансформацией фоновых знаний и ожиданий по отношению к проекту «Ускоренное развитие больших африканских колоний: больше развития – больше прогресса». О всей картине и результатах трансформации фонового знания пока можно только догадываться. Новый фон окончательно не сложился, как не ушли в прошлое ключевые идеалы и образы прежнего фона: прогресс, современность, догоняющее развитие. Но некоторые важные и вполне ощутимые тенденции изменения фона восприятия региональных трансформаций можно выделить. Эти тенденции развиваются в общем контексте разрушения устоявшегося за столетия универсалистско-модернистского типа восприятия мира.

Прежде всего заметна релятивизация представлений о развитии как универсальном макроисторическом и макросоциальном проекте, предполагающем веру в прогресс, в его устремленность в будущее («золотой век» впереди), восприятие в качестве нормы разумности и закономерности мира, способности человека и общества эффективно направлять и контролировать социальные изменения. Нормы не исчезли, но что-то в их основании деформировалось, надломилось. Ощущение этого сдвига как разрушения гуманистических идеалов, конца большого секулярного проекта Нового времени жестко, но достаточно обоснованно выразил А.И. Неклесса: «Построение универсального сообщества, основанного на принципах свободы личности, демократии и гуманизма, на постулатах научного и культурного прогресса, на вселенском содружестве национальных организмов и повсеместном распространении модели индустриальной экономики (или же еще более амбициозный проект объединения населения Земли в рамках гражданского общества) – все эти

грандиозные цели и принципы оказались вдруг под вопросом» [23].

Другая не менее заметная тенденция – ощущение и ожидание все большего «сжатия» Мира, все более концентрированное восприятие его через стандартные культурные и поведенческие образцы, распространяемые глобальными сетями СМИ, и параллельно с этим ощущение распада культурной гомогенности окружающего мира, разрушение его целостности (смещение Центра и периферии, высокого и низкого, большого и малого), роста социокультурного партикуляризма. Прежние образы Мира как упорядоченной дифференцированной целостности («центр – периферия», «развитые – развивающиеся страны») замещаются образами неупорядоченных, угрожающих, катастрофических разрывов мирового пространства (Запад versus ислам. Север versus Юг), картиной демонтажа традиционных социальных и нормативно-ценностных иерархий и замещения их хаосом культурных мозаик, переплетения Большого Мира и элементов локальных «экзотических» культур.

Изменения фоновых ожиданий сегодня уже явным образом влияют на содержание формальных теорий развития, перестраивая – все более радикально – привычные способы обобщения и моделирования социальных изменений. Базовая для теории модернизации типология социальной организации «традиционное – современное» замещается новой дихотомической схемой: глобальное – локальное. В отличие от прежней в новой типологической схеме значимыми, типичными, «идеальными» изменениями являются процессы, связанные с трансформацией пространственных параметров социальной организации (глобальное – локальное), пространственно-смысловых уровней идентичности (национальное – этническое), способов адаптации к окружающему миру (технологический прогресс – интенсификация использования природной среды, постэкономические ценности и мотивации – физическое выживание). Теоретическое знание о раз-

витии в значительной степени утрачивает при этом целостность и универсальность прежней формальной модели догоняющего развития. На роль нормативной рамки сравнения условий и результатов социальных изменений начинают претендовать модели, образы, категории, которые подчеркивают разрывы в мировом экономическом и культурном пространстве, разнородность, чуждость и даже враждебность по отношению друг к другу глобальных регионов, геополитических блоков и цивилизаций (глобальный Юг versus глобальный Север, «конфликт цивилизаций», «страны-изгои»). Формируется альтернатива жесткому универсалистскому пониманию общественного развития как изменений исключительно векторных, связанных, прежде всего, с восхождением по ступеням универсального и этически окрашенного прогресса. На роль альтернативного понимания претендует идея плюрализма типов, форм и видов развития (восходящих, нисходящих, возвратных, тупиковых, инверсионных, безвекторных и т.д.), «нормой развития» становится несводимость развития к какому-либо одному вектору или содержанию [24]. Таков новый фокус, в котором концентрируется сегодня видение действительно больших трудностей развития, сконструированных по внешним, заимствованным моделям африканских государств-наций и национальных экономик. Новые фоновые знания и ожидания проблематируют не просто эти трудности, но саму возможность их преодоления на пути восходящего развития, наличие в африканской социокультурной среде достаточного потенциала эволюции и в связи с этим способности успешно адаптироваться к «вызовам глобализации».

Влияние «фона» и соответственно «фоновые значения» подобных оценок и выводов однако не рефлексированы, не принимаются в расчет, даже если очевидна их чрезмерная обобщенность или крайний негативизм. И в этом проглядывает все та же логика «научного реализма», о которой мы подробно говорили выше. Кажется, что реалии со-

временных африканских кризисов намного значимее, весомее, нежели «нематериальные» «фоновые ожидания», априорная предрасположенность исследователя к определенным выводам и т.д. И с этим можно согласиться, пока мы не сталкиваемся с попытками представить нормативные, этически окрашенные и зачастую предельно широкие выводы о низком потенциале развития региона как эмпирическую реальность социальных изменений.

Поскольку многие стороны современной африканской жизни плохо вписываются в представления о достойном, цивилизованном уровне существования человека, то смешение реальности социальных изменений и упорядочивающих их норм, оценок, образов приобретает ярко выраженный этический и эмоциональный контекст, не менее, а даже более важный, чем эмпирический анализ. Этически окрашенные оценки кризисных процессов в Африке обычно тем сильнее, чем больше социальные изменения воспринимаются как тяжелые, бедственные, ненормальные. И это, повторим, вполне естественно. Но все же такие оценки не могут подменять, сводить к однозначным схемам и образам содержание научного знания об Африке, теорию изменений как таковую. Между тем в отечественной африканистике эта практика получает широкое распространение (видимо, в порядке компенсации прежних «прогрессистских иллюзий»). Становятся привычными эсхатологичность, катастрофическая акцентированность оценок кризисных тенденций африканского развития – «зона хаоса и социального распада», «нагромождение бед», «земля отчаяния» и т.п.

Переживание действительно сложных драматических ситуаций в ряде стран региона как диссонирующих с образами и нормами цивилизованного бытия способно дать новый толчок субъективным представлениям о будущем Африки. Заменить прежние утопические идеалы всеобщего прогресса на идеи и образы антиутопий. Такая опасность возни-

кает в ситуации, когда конкретные проявления срывов модернизации, проявлений демодернизации начинают изображаться как трагическое, катастрофическое движение от хорошего (то есть достижений цивилизации) к плохому и ужасному – торжеству асоциальных и антисоциальных сил, представляемых обычно в образах «анти-цивилизации» и «анти-развития». Эти образы, похоже, отражают в немалой степени травмированное сознание самих исследователей. Во всяком случае, они побуждают экономистов, социологов постоянно маркировать явления социального распада, хаоса, разрушения социального порядка. При этом возникает опасность нарастания, в ущерб объективному анализу, этического нормативизма.

Наименее радикальное и, скорее, позитивное проявление этой тенденции – гуманитарный подход к проблемам Африки. Эксперты рассказывают о тяжелой ситуации в регионе как о гуманитарном бедствии XXI в., угрозах социальной и экологической катастрофы, обращается внимание на необходимость восстановления порядка в зонах конфликтов, подчеркивается связь будущего Африки с будущим всего человечества.

Более радикальное и, скорее, негативное проявление той же тенденции – возведение своего рода формальной, идеальной (то есть данной лишь в идеале) границы между «цивилизованным порядком» и «анти-цивилизованным» беспорядком (массовая преступность, системная коррупция, теневая экономика, нерегулируемое насилие), имеющей очень сильный африканский акцент. Такая граница моделируется, получает значение скорее символическое (культурно-знаковое) и морально-этическое. Исследователь стремится заявить о великом принципе осевых цивилизаций – разделении Порока и Добродетели, представить знаки разрушения этого принципа, распада Цивилизации на огромных территориях современного мира. Характерны используемые для это-

го образы, они заключают в себе как бы идеальные сущности, модели, прототипы анти-цивилизации и анти-развития: «черная зона» социума, «мировая Тень», «тень греха» (!), круговорот «света» и «тени» как механизм общественного развития, «вырожденческое» и «первозданно дикарское» начало (!!), «отъем» как один из базовых способов существования всего живого (!!!) и т.д. Легко заметить, что эти определения воспроизводят прежние прогрессистские схемы развития, но с противоположным смыслом и знаком «анти». Чисто этическая оценка явлений «анти-развития» в этих определениях настолько довлеет над выделением его объективных, этически нейтральных показателей, что определения становятся тавтологичными. Распространение негативных явлений общественного развития выводится из разрушения цивилизации, единственным доказательством чего служит сам факт распространения подобных явлений.

Тем не менее эта схема напрямую прилагается к реальности и получает статус универсальных утверждений, смысл и логику которых четко выразил К.Л. Майданик – «от уголовной статьи к глобальной проблеме» [25].

Появились и другие формальные модели, подчеркивающие и символизирующие возможность деградации и растворения в окружающей среде социума. Основной упор в них делается на исчерпанность, тупиковость развития социальных отношений определенного типа. Такова модель «патологического социокультурного кризиса», связанного с «общим расстройством» социальных отношений, «метанием» общества от одной кризисной ситуации к другой и сползанием «его в конечном счете к катастрофе» [26]. Близка к этому типу моделей концепция органической встроенности в естественную среду, и шире – в макрокосм самой личности африканца как общего свойства «тропическо-африканской цивилизации», исключавшего ее «стадиальное развитие» [27], «изживание» особенностей, характерных для низких

фаз развития. Эмпирическая реальность социальных изменений отождествляется, таким образом, с вырождением или инверсионными типами развития как «идеальными тупиками» эволюции.

Экспансия нормативных и оценочных суждений

Теоретическое понимание проблем развития субсахарской Африки сегодня переживает не лучшие времена. Теория модернизации и тесно связанная с ней «социология развития» обнаруживают такие противоречия между своими постулатами и объективными результатами развития региона, что под сомнением оказывается общая правомерность объяснения и решения этих проблем в русле идей прогрессивного, форсированного, догоняющего развития. В последние 15–20 лет реальность постоянно опровергала эти идеи.

Возникли целые системы и структуры, призванные программировать естественный ход социокультурной эволюции африканских обществ, направлять ее по пути прогресса, развития, роста (государства-нации, международная помощь, программы социально-экономических и политических реформ). Однако вместо ожидаемого заметного и устойчивого перевеса прогрессивных составляющих над антипрогрессивными («положительная девиация») произошло прямо противоположное – усилились или возобладали антипрогрессивные составляющие и тенденции развития: коррупция, монополизация власти/собственности правящими группировками, экологическая деградация, прогрессирующая бедность населения, то есть несомненная «отрицательная девиация» развития. Рост устойчивого неравновесия в обществе в пользу современных структур и стимулов развития – государства, рынка и т.д. как условие модернизации обернулся ростом дестабилизации и деградации (понижение социокультурной сложности) общественных структур: «лож-

ная урбанизация», развитие «субкультуры бедности», децентрализация и упадок государственной власти и т.д.

Нельзя сказать, что эти несоответствия полностью разрушают теорию модернизации, лишая ее каких-либо оснований. Если интерпретировать реальные трудности модернизации африканских обществ с формальных позиций, т.е. по отношению к идеальному направлению, идеальному механизму догоняющего развития, то нетрудно представить эти трудности как проявления особого африканского пути или линии модернизации. Эта линия извилиста, отклоняется от «вектора прогресса» в силу изначальной глубокой отсталости («архаичности») африканских обществ, неадаптированности их к условиям современного экономического развития и современной государственности, необеспеченности реального суверенитета стран региона. Но общий курс модернизации обоснован, сохраняются возможности для выхода этих стран на новые рубежи и траектории догоняющего развития. Указывается на возможности демографической и экологической модернизации в контексте перехода развитого мира к экологически ориентированному экономическому развитию.

Сложность, однако, в том, что теория модернизации сохраняет таким образом свои позиции исключительно в качестве теории-предположения, теории-возможности, не учитывающей весь набор реальных условий сокращения региональной базы модернизации и снижения значения этой базы модернизации и снижения значения этой базы в масштабе современного мирового хозяйства. В условиях резкого снижения, начиная с 1970-х годов, эффективности использования факторов производства [28], угрозы необратимой деградации природной среды, кризиса государственности, барьер достижения модернизационных сдвигов («положительной девиации» развития) не уменьшился, а увеличился.

Время «социологии развития» как господствующего научного направления уже прошло. Во всяком случае, не ее нормативно-ценностные установки сегодня определяют об-

ций интеллектуальный фон понимания современных трансформаций африканских обществ. Занявшая ее место критика опыта африканского развития меняет этот фон, предполагает новые способы осмысления проблем региона, которые отличаются от модернистской парадигмы общественного развития. Понимание этих проблем сегодня уже трудно представить без идеально-типических понятий и категорий, которые еще 10–15 лет назад могли показаться второстепенными, локальными, произвольными: неформальная (народная) экономика, неформальный сектор общественного развития, маргинализация Африки, неопатримониальные режимы, локальные социокультурные группы и сообщества (этнические, религиозные, земляческие, клановые, семейные), параллельные структуры власти, африканская идентичность, антирежимные движения и власть лидеров повстанческих группировок. В этих понятиях закрепляется, по существу, новый смысловой и нормативно-ценностный инвариант понимания специфики африканских трансформаций. Принципиально уязвим западный (модернистский) проект реформ в Африке. Проект создания в регионе государств западного типа обречен на неудачу. Неэффективны попытки преобразования африканских обществ посредством коррумпированного государственного регулирования или навязываемых извне структурных реформ [29].

Заметны также изменения в том, что можно назвать «метаязыком научных исследований, – в тематической рубрикации, структуре (порядке) проблематики научных исследований. В 1960–1980-х гг. этот порядок формировался вокруг тематики социального целого (национальная экономика – социальная структура – политическая система). Начиная с 1990-х гг., на фоне роста влияния культурного релятивизма, вперед выдвигается социокультурная тематика (культурная самобытность и ее связь с социально-экономическим развитием, особенности политической культуры, метальные установки и запросы массового сознания, африканская идентич-

ность) [30]. Проблематизация слаборазвитости африканских стран начала сдвигаться от нормативно-смысловых формул «поэтапного развития» (единство мира, всемирный исторический процесс, универсальные стадии развития, эшелоны модернизации) к формулам цивилизационного плюрализма (низкие темпы развития, неадекватность взаимодействия с индустриальной цивилизацией Запада как результат цивилизационной специфики африканских обществ) [31].

Структура знания об африканском развитии, таким образом, меняется. Но стала ли эта структура как сочетание содержательных и формальных аспектов теории более достоверной, приближенной к реальности, а заодно и контролируемой, то есть способной четко отличать создаваемые исследователями умозрительные схемы от самой реальности? Разделение содержательных и формальных аспектов теории усложняет ответ на этот вопрос. Но зато уточняется его сущность и появляется более достоверный критерий реалистичности и надежности новых подходов.

С точки зрения содержания – эмпирических обобщений, выводов и следствий – новые теоретические конструкции стоят ближе к африканским реалиям, чем теория модернизации, особенно ее классические образы. Наконец преодолевается характерное для нее отождествление различных типов, форм, видов развития с идеальным вектором прогрессивных изменений. Этический идеал прогресса перестает довлеть над сознанием исследователей, выводами и следствиями теории. Достаточно увидеть, какое разнообразие векторов и форм эмпирических изменений вбирает, фиксирует понятие «неформальный сектор общественного развития» или понятие «африканская идентичность».

Пожалуй, впервые появляется возможность развести объективные факторы и закономерности общественных трансформаций, связанные с изменениями естественной среды, демографическим фактором, развертыванием потребностей, давлением внешней социально-экономической среды,

конфликтом социальных интересов и т.д., с одной стороны, и структурами, программирующими развитие, толкающими действие объективных факторов в определенном направлении – с другой. В свете драматического опыта африканского развития становится очевидным: в течение достаточно длительных периодов времени развитие может принимать в значительной мере запрограммированный характер или даже становиться искусственным (если развитие сильно отклоняется в направлении заимствованных или навязанных внешних культурных форм, институционализированных образцов изменений). Этот опыт в сочетании с опытом колониальных трансформаций доказывает, что ход и направление общественного развития определяются не только собственно естественноисторическими процессами, но в большей степени резкими эволюционными сдвигами (скачками, катастрофами). Сдвигами, обусловленными, прежде всего, изменениями собственно программирующих структур и систем изменений (культурное ядро социальной системы, ее политическая организация, сфера духовных ценностей и мотиваций).

Но форма и даже самая возможность формального конструирования новых понятий, тематических рубрик, а также стоящих за ними фоновых ожиданий в качестве полноценных научных теорий развития вызывают большие сомнения. Основания для таких сомнений возникают и усиливаются по мере того, как интерпретация эмпирической сложности социальных изменений на континенте, кризиса и частичного отторжения навязанных извне образцов развития отливается в формулы и модели анти-развития, анти-государства, анти-цивилизации.

Выше уже отмечалось, что существует тенденция отождествлять заключенное в этих формулах этическое содержание (осуждение криминальных и теневых практик, коррупции, социального беспорядка) с эмпирической реальностью (развитие неформальных, не регулируемых жестко социальных практик, распределение ресурсов на основе патро-

нажно-клиентельных отношений). При всей кажущейся правомерности таких отождествлений лежащее в их основе утверждение не является в полной мере достоверным, объективным, поскольку оно распространяется на все социальные ситуации, придает оценочным, нормативным характеристикам универсальное значение закона независимо от набора условий, при которых эти характеристики совершенно правомерны и имеют адекватный смысл. Если такое соответствие не определено специально, то существует опасность сдвига формальной модели в область правдоподобия, конъюнктуры, обыденного сознания, культурных и политических мифов, что, как уже говорилось, лишает такую модель статуса научной теории.

На определенные размышления наводит также повышенный нормативизм популярных сегодня социокультурных версий африканской слаборазвитости (низкий адаптивный потенциал африканских культур, приспособленность исключительно к условиям природной среды, слабая дифференцированность традиционных социальных систем, сравнительная неразвитость традиций принуждения к труду и т.д.).

В содержательном плане постановка вопроса о культурных нормах (образцах) социальных изменений, форм социальной динамики кажется вполне правомерной, хотя даже в рамках одной культуры или цивилизации эти нормы могут варьировать в зависимости от социальных ситуаций, наборов эмпирических условий. Однако попытка определить общую норму изменений для большого конгломерата разных локальных (этнических) культур или их цивилизационного единства представляет собой типичный идеальный образец, нормативно-ценностный конструкт. Такой конструкт может иметь свой идеальный прототип в виде форм духовности, идей, учений, символики и ритуалов данной цивилизации, или же существовать только в воображении исследователя. Но в любом случае он представляет собой идеальную модель (тип, образец), а не эмпирическую категорию. Описание та-

кой модели в реалистической манере и, тем более, ее априорное распространение на все ситуации социальных изменений опаснее реалистической интерпретации простой типологической схемы «традиционное – современное»: место простой схемы занимает иллюзия реальности в ее конкретной комплексности.

Объяснение трудностей модернизации африканских обществ их социокультурными особенностями производит впечатление большей достоверности и эмпиричности, нежели объяснение причин их отсталости колониальным господством Западной Европы (не очень длительным), империалистическим разграблением ресурсов континента. Социокультурные версии отсталости апеллируют к африканским реалиям системного порядка. В качестве таковых фигурируют отсутствие четких структурных границ между современным и традиционным хозяйственными секторами, доминирование в социально-экономических сферах традиционалистских интересов – семейных, клановых, общинных и т.п. Между тем, строго говоря, научная правомерность таких выводов зависит от структуры конкретных ситуаций, которые подлежат эмпирическому анализу. Самое большее, на что, действительно, могут претендовать подобные всеохватывающие определения (определения – рамки, определения – предположения), – это указание на частоту проявлений соответствующих характеристик. Даже если в данный момент времени они правомерны для большинства ситуаций, постулируемые зависимости не могут полностью исключать других, альтернативных вариантов изменений. Не допуская такие варианты, мы рискуем превратить видимый реализм социокультурных характеристик в очередную, но весьма масштабную реалистическую иллюзию. Срок ее жизни будет зависеть от того, сможет ли она объяснять все новые и новые ситуации изменений, а также от появления альтернативных теорий и их популярности.

Тип знания, который формируется в рамках социокультурных концепций отсталости, включает в себе и гораздо больший, практический риск сокращения пространства выбора вариантов изменений. Этот риск связан с формированием так называемых неприемлемых реальностей. Реальностей, которые отвечают логике данной формальной схемы, но лишают пространства выбора, буквально загоняют в угол реальных агентов изменений, не оставляют им возможностей изменений правил игры, т.е. фактически лишают их полноценного статуса социальных субъектов.

В самом деле, соотносительное, сугубо оценочное свойство отсталости в этих версиях превращается в определенно-однозначное структурное свойство традиционной африканской культуры и ее цивилизационного типа. Уже само по себе это вызывает сомнение. Абсурд, но иррационально стремление построить целостную, непротиворечивую модель африканских социокультурных практик за счет их отживших или несоразмерных современности элементов, внушающих сегодня скорее чувства беспомощности и бессилия. Трудно найти цивилизацию, носители которой согласились бы считать ее главным свойством отсутствие социальной динамики, особенностью – неспособность адаптироваться к современному миру и богатствам, привязанность к природе. Но еще более странным, неприемлемым кажутся вытекающие отсюда варианты будущего этой цивилизации, которые теоретически открываются для африканцев. Либо сохранение локальной африканской цивилизации в качестве культурного изолята, выключенного из глобальной системы межкультурных связей, либо ее разрушение и гибель ранних ее носителей, если не физическая, то культурная.

Если норма изменений для одной цивилизации (западной) определяется как динамичное развитие, а для другой (африканской) – как преимущественно социальная статика, поглощенность человека коллективом, отсутствие стимулов к эволюционным сдвигам, такая позиция является культурно-

центрической, мотивированной разочарованием в прогрессе африканских стран. И правомерность такой позиции определяется не столько уровнем доказательств, сколько распространенностью отраженных в этой позиции эмоций. В этом отношении становящийся популярным «концептуальный культурализм» сильно уступает теории модернизации, которая все-таки стремилась удерживать баланс между культурным универсализмом (всеобщие идеалы современности и мирового прогресса) и релятивизмом (культурная самобытность), идеями доминирования мирового Центра и самобытного развития его периферии.

И еще в одном аспекте, важном для сохранения собственного научного статуса формальных схем, концепции социокультурной специфики и обособленности обществ субсахарской Африки проигрывают теории модернизации. Мы имеем в виду не очень явную, но растущую тенденцию к размыванию целостных и универсальных категорий социального познания. Категорий, которые делают возможными и понятными способы обобщения эмпирического материала, обуславливают необходимую инвариантность знания, обеспечивают необходимым научным аппаратом глобальные социальные, политические и экономические теории, структурируют научное мышление, мешают ему превратиться в набор случайных или произвольных языковых средств, образов, конструкторов.

В теории модернизации как частной теории развития «глобальные» социальные категории сохраняли в целом свою универсализирующую роль. Категории «государство», «национальная экономика», «социальная структура» и «макросоциальные группы» и «прогресс» не просто обобщали эмпирическую реальность, но обеспечивали необходимый формат (преимущественно национально-государственный) упорядочения изучаемой реальности – целостный (общество как социальная система), имеющий единую темпоральность и единое универсальное, мировое пространство всеобщей

истории. Этот формат имел интегрирующее значение и в культурологическом смысле, позволяя воспринимать «чужие» культуры как уже в значительной степени «свои», по крайней мере понимать их в единых категориях современного научного мышления. Общим фоном этих категорий служил прочный дифференцированный образ общества как совокупности разных сфер (уровней) общественной организации. Благодаря ему (этому образу) возникал своего рода метаязык, на котором экономисты, социологи, политологи могли оценивать ход и результаты модернизации, выражать и понимать их смысл в качестве движения от традиционного состояния к современному.

Это в полной мере относится и к африканским исследованиям. В 1960–1980-х гг. исследователи представляли разнообразные социальные процессы в Африке в хорошо структурированном формате, совпадавшем преимущественно с рамками национальных государств и включавшем понятный набор основных социальных категорий. Понятия «государство», «хозяйственные уклады (секторы)», «макросоциальные группы» с теми или иными оговорками и уточнениями значили примерно то же, что и применительно к другим регионам «третьего мира». Все это позволяло общей идее развития и основанной на ней теории модернизации организовывать как социальный опыт модернизации, так и опыт ее исследований.

Однако в последнее время, особенно начиная с середины 1990-х гг., обобщенная картина социальных изменений в регионе как целостная и отчасти единая мыслительная конструкция утрачивает былую ясность и понятность, «понятийную прозрачность». Пользоваться этой конструкцией приходится «блуждая» во все менее определенном контексте оценочных, нормативных суждений, неустоявшихся понятий и смысловых конструктов, постоянно требующих определений, терминологических и культурных клише типа «африканская отсталость», «теневая экономика», «неформальный

сектор» и т.п. Характерно, что место привычных реальных определений, т.е. собственно определений понятий, отражающих существенные признаки предмета, неявно начинают занимать определения номинальные, которые объясняют значения слов, обозначающих используемое понятие. Например, использование в африканском контексте понятий «государство», «власть» сопрягается с терминами и словосочетаниями, которые как таковые требуют определений и объяснений: «неопатримониальный характер государства», «государства-рантье», «государство второго сорта», «этнополитические кланы», «представительный клиентизм», «баланс различных пластов политической культуры» и т.п. Универсальное значение понятия «государство» при этом номиналистически разлагается на частные, более мелкие составляющие, которые, в свою очередь, требуют номинальных определений и понятны скорее в определенном локальном, этнополитическом контексте.

Теряет ясный, универсальный смысл понятие «африканская экономика». Теперь это уже не четко структурированное целое, а скорее ситуативное смешение различных форм хозяйствования, которые объединяют понятия «неформальный сектор экономики», «народная экономика», «экономика привязанности». Дать определение этих терминов в рамках устоявшихся целостных, универсальных определений экономики практически невозможно. Чрезвычайно трудно определить понятие «неформальный сектор экономики». Приходится специфику неформального, теневого сектора определять по контрасту с «белой» экономикой (в терминах: «неорганизованный», «неофициальный», «нерегистрируемый» и т.п.) Но это требует дополнительных и сугубо частных номинальных определений. Как отмечает Е.А. Брагина, каждое из определений неформального сектора, и «все вместе выделяют его основную качественную характеристику» [31, с. 44, 46].

Аналогичную картину можно наблюдать и в исследованиях социальных процессов. Место идеальных категорий макросоциальных групп начинают занимать имена неопределенных социальных образований и общностей-конгломератов, социальных множеств: обширная маргинальная общность, маргинальное поколение, избыточная людская масса, социальные категории, ориентированные на космополитизм и локализм, массовые слои, которые не успевают и уже не в силах поспеть за модернизационным процессом и т.п.

С точки зрения организации научного знания, сохранения его как целостного, универсального структурного образования, дробление целостных категорий, когда оно приобретает самодовлеющий характер, таит в себе опасность так называемого номиналистического разложения – распада определений макросоциальных и макроисторических целостностей на все более мелкие и трудно фиксируемые единицы. Внешним знаком того, что в африканских исследованиях идет именно такой процесс и что он влияет на общую картину восприятия социальных трансформаций в регионе, является ставшее заметным увлечение представлять эту картину в терминах «хаос», «социальный беспорядок», зоны социального распада, массовой социальной аномии и т.п.

Опасность (и достаточно серьезная) процесса фрагментации целостной структуры познания состоит в том, что он приводит к невозможности или неспособности помыслить социальные изменения в категориях коллективных сущностей, макросоциальных и макроисторических целостностей, что потенциально грозит исчезновением самого объекта знания о развитии. Ведь развиваются не отдельные кланы, «агенты неформального сектора», «масса населения», а целостные субъекты исторических процессов.

На это, конечно, можно возразить, что «измельчание» социального целого обусловлено не определениями, а самой африканской реальностью, которую эти определения отра-

жают: кризис государства, распад традиционных структур и социальная деструкция городской среды. И с этим трудно не согласиться. Но не абсолютно. Верно и то, что более мелкий, локальный, неопределенный, плохо структурированный формат восприятия реальности заставляет, даже помимо нашей воли, трактовать ее как всецело маргинальную, лишенную начал самоорганизации, распадающуюся. А чтобы зафиксировать, рационализировать эти определения придется использовать еще более мелкие и неопределенные понятия и образы. Куда может привести логика этого процесса, как не к распаду целостной структуры научного знания. Невозможно провести ясные различия между обществом и государством, этничностью и социальными группами, экономикой, властью и коррупцией, процессами общественной самоорганизации и нерегулируемой деэтатизацией.

Культуроцентристская идея о принципиальной несовместимости всего массива африканских культур и современного мирового развития кажется в этих условиях особенно опасной. На ее фоне фрагментированная, утрачивающая качества целого социальная реальность неизбежно будет восприниматься как все более незнакомый, чуждый мир. Мир, который невозможно осмыслить в категориях современного, рационального мышления, а можно воспринимать лишь как нечто совершенно иное, как некий этнографический объект. Вместо категорий универсального, целостного знания получаем категории и образы культурного разрыва: иное, чужое, альтернативное современной цивилизации, ее радикальное отрицание.

Теория развития на переломе

Каков же общий баланс достижений и потерь теории развития применительно к региону субсахарской Африки?

Почти молниеносное завоевание независимости странами региона породило уверенность в том, что и предоставлена почти безграничная свобода выбора путей и темпов раз-

вития. Не подтвержденная опытным путем, эта установка приобрела значение реальности в теоретическом и идейном пространстве социальных наук. Выделение общности развивающихся стран и признание ее главным признаком целенаправленного преодоления слаборазвитости обеспечили как будто бесповоротно господство в этом пространстве теории развития. Уверенность в развитии как этически окрашенном движении к прогрессу, к экономическим и политическим системам, характерным для развитых стран, побуждала видеть в этой теории гарантию того, что ситуация в африканских странах изменяется правильным путем и скоро принесет ожидаемые результаты.

Сегодня баланс достижений и потерь для теории развития складывается иначе. Свобода выбора путей развития оказалась политическим мифом. В теоретическом и идейном пространстве науки идея выбора путей развития предстает скорее как идеальная норма ориентации, программирования развития, которая не получила адекватного (в смысле модернизации) воплощения в регионе. Но дала толчок антимодернизационным тенденциям развития, связанным с присвоением, точнее, расхищением общественных ресурсов правящими элитами, развитием клиентельных практик, ведущих в конечном счете к экономическому упадку и кризису государственности. Из теории развития, таким образом, ушло практически все то, что определяло ее смысл и значение в качестве нормы и образа изменений – вера в прогресс как движение исключительно вперед и в интересах большинства населения. Убежденность в способности государств региона трансформировать формальный суверенитет в реальную возможность направлять развитие своих стран – формировать единые национально-политические общности и экономические структуры, ограничивать отрицательное влияние на экономическое развитие мирового рынка и т.д.

В изменении баланса приобретений и потерь теории развития можно увидеть (и мы к этому всячески стремились)

и проявление ее собственных внутренних противоречий, заключенных в структуре, организации знания о социальных изменениях. Кроме варьируемого эмпирического содержания (повышение или уменьшение дифференциации – интеграции социальной системы под влиянием разнообразных факторов эволюции), эта теория, как подчеркивалось выше, дает формальную, нормативную рамку для интерпретации реальных ситуаций. Смысл и значение этой рамки состоят прежде всего в придании эмпирическому содержанию развития определенного вектора движения, действию объективных социальных законов целенаправленного, рационального, телеологического характера.

Взятая сама по себе в абстрактном виде идея направленности развития устанавливает не эмпирическое содержание социальных изменений, а лишь их определенный принцип, идеальную модель – возможность программирования социальных изменений институтами власти, культурными кодами, системами ценностей. Как определенный теоретический принцип, модель, конструкт эта идея не содержит и не может содержать в себе ни собственного подтверждения, ни опровержения. Из нее вообще нельзя извлечь какой-либо эмпирический вывод. Собственно научное, содержательное понимание того, куда и каким образом направлено развитие и что при этом развивается в первую очередь, становится реальным лишь с того момента, когда заложенная в образе вектора определенная матрица, образец, рамка изменений наполняются эмпирическими данными и обобщениями, сопрягаются с конкретными структурами социальных ситуаций. При этом в структуре самого теоретического знания не могут не возникать напряжения, противоречия, кризисы, обусловленные несоответствиями и разрывами между теоретической матрицей развития (восходящая, нисходящая и т.п. линии развития) и эмпирической реальностью изменения (или же возможностью смещения того и другого).

Реальные «векторные величины» развития удается обнаружить, например, в контексте эмпирической истории мировых религий и других форм универсалистского самосознания (цивилизационного, имперского), ориентирующих спонтанные социальные изменения на некие высшие, всеобщие цели. Вектор изменений получает в данном случае четкое эмпирическое изменение – распространение определенного типа культуры, религиозных верований на максимально широкий круг людей, потенциально на все человечество. Типичными эмпирическими референтами идеи (модели, матрицы) направленного развития выступают развитые рыночные системы и политические структуры современного государства, способные устойчиво отклонять естественную социальную эволюцию в сторону, нужную большинству граждан или правящему привилегированному меньшинству. Особенностью этих механизмов, по крайней мере в современных развитых странах, является то, что они способны, так сказать, принципиально отклонять развитие в пользу улучшения, а не ухудшения жизни большинства населения. Другими словами, добиваться устойчивого и долгосрочного превышения прогрессивных составляющих над антипрогрессивными. За не очень долгий период существования современной западной цивилизации это отклонение приобрело характер интеллектуального стандарта, императивной этической и эмоциональной установки, отождествляющей развитие с этическим прогрессом. Однако это не значит, что в эмпирической реальности развития нет отклонений в пользу его антипрогрессивных составляющих и что они вообще в принципе не могут определять характер развития, его цели и приоритетные сферы.

Объективные факторы социальной эволюции, например, такие, как стабильный и длительный демографический рост, спонтанные изменения естественной среды, давление периферии на центры цивилизаций и т.д., могут действовать и как эффективные ограничители социального прогресса.

Больше того, как свидетельствует история Европы XX в. (Освенцим, Гулаг), даже длительная социальная и моральная традиция возвышения прогрессивных составляющих над антипрогрессивными не гарантирует от попыток улучшить жизнь «своих» за счет «чужих» путем национального и социального геноцида.

Поэтому баланс приобретений и потерь теории развития зависит во многом от того, в какой мере она доводит идеальные схемы до собственно научного объяснения, то есть объяснения четко определенных процессов и конкретных ситуаций, а в какой – облекает в псевдонаучные одежды этические стандарты, культурные образы и доминирующие эмоции. Если баланс этих составляющих теории нарушается, теория развития способна в той или иной степени терять свое научное значение. Сегодня этот вывод, пожалуй, более чем когда-либо актуален для понимания проблем, с которыми сталкивается теория развития в субсахарской Африке.

В условиях распада колониальных империй теория развития во всем наборе ее элементов стала важнейшим интеллектуальным средством программирования постколониального развития региона. Ее важнейшее эмпирическое содержание составили не разнообразные реальные зависимости социальных изменений от исторически сложившейся организации общества (развития экокультуросистем, оставшегося в ведении социальной антропологии), а главным образом обоснование экономических и политических структур, культурных кодов и ценностей, обеспечивающих такое программирование. Характерным подтверждением этого стало превращение идеи развития как целенаправленных, управляемых, прогрессивных изменений в политический миф, секулярную утопию. Политический конструкт, который обеспечивал, с одной стороны, приспособление к внешней социокультурной среде развитых стран новых африканских элит, а с другой – адаптацию политики развитых стран к внутренней среде региона.

Конвертация основных идей теории развития в политические мифы и социальные утопии дало немало для развития этой теории. Без этого процесса вряд ли приобрела бы широкое значение «социология развития». В практику африканских исследований вошли универсальные категории «государство», «гражданское общество», «национальная экономика», «социальная структура» и т.д., позволяющие в эмпирическом анализе идти от социального целого, конструировать макросхемы изменений.

Однако при том руководящем значении, какое идеи направленного развития получили в самих африканских странах, официальном отношении к этим идеям как к истинной действительности и конечной цели, баланс научных и ненаучных элементов в структуре теоретического знания не мог не сдвигаться в пользу последних. С неизбежными потерями для научного знания могли учитываться лишь те траектории развития, которые были напрямую связаны с программированием спонтанных социальных изменений (становление централизованных государств, экономический рост, внедрение ценностей «модернизма», насаждение современных моделей образования и т.д.).

В качестве реализуемой утопии теория развития становилась непосредственно причастной к эволюционному сдвигу, скачку в характере, реальном содержании структур, программирующих африканское развитие. Однако все значение этого сдвига оказалось сведенным в контексте теории к нормативной модели догоняющего развития и «реалистическим иллюзиям» имитационной модернизации.

Научное содержание теории развития в этих условиях было серьезно подорвано, если не сказать, сведено к нулю. Когда планы реализации широких модернизационных проектов в регионе зашли в тупик, обнаружилось, что теория развития в ее африканских версиях не обладает достаточным уровнем адаптации своих постулатов, нормативных образцов к ситуациям распада государственной власти, самоорганиза-

ции и социально-экономического доминирования неформального сектора, противостоящего государству, развития специфической субкультуры бедности. Все, что имеется в распоряжении теории модернизации для оценки и анализа феноменов не то постмодернизации, не то антимодернизации, сводится, по существу, к двоичным, нормативным признакам: порядок/хаос, социальное целое/социальное неупорядоченное множество, нормальное/исключительное (катастрофическое) развитие/анти-развитие, цивилизация/антицивилизация. Если вдуматься, то возникает стойкое сомнение по поводу принципиальной новизны методологических основ критики достигнутых в регионе результатов модернизации. Новым в этой критике является лишь то, что она исключительно негативным образом, последовательно отрицательно определяет значение прежних элементов нормирования и программирования целого: государства-нации, официальной экономики, интегрированных социальных групп.

Таким образом, знание о развитии африканских обществ сегодня не располагает новыми подходами к проблеме ориентированного (направленного) развития африканских стран. В то же время прежние образцы и принципы этого знания, привязанные всецело к догоняющей модели развития (теории модернизации), по существу, уже нечего не могут предложить, кроме негативных оценок реальных африканских трансформаций. К этому же «классу» оценок, меняющих идеальные схемы на антиидеальные, относится и тезис о принципиальной неадаптированности африканской социокультурной среды к современному миру. Сам термин «неадаптируемость» представляет собой скорее эмоциональную оценку, поскольку непонятно его реальное эмпирическое содержание: отсутствие социальной динамики? Приспособление к нуждам этой среды привнесенных механизмов и форм использования общественных ресурсов (коррупция) и социальной интеграции (этнический клиентелизм), что невозможно без определенной динамики развития? Трансформа-

ция всего социального целого (эволюционный сдвиг) на собственно африканских социокультурных основаниях?

Свидетельством разрушения старой и отсутствия какой-либо новой теоретической рамки социальных изменений в регионе служит то, что негативные оценки потенциала развития африканских стран никак не согласуются с некоторыми очевидными проявлениями социальной энергии, культурного творчества, активной самоорганизации различных групп населения Африки. Выступая на конференции «Африканская цивилизация в глобализирующемся мире», М.А. Чешков справедливо отметил явное несоответствие идеи Африканского ренессанса описаниям «общего упадка, царящего в этом регионе во всех сферах социальных отношений». «И на таком фоне вдруг происходит – если это так – взрыв творческой культурной деятельности» [31, с. 53]. Критика возможностей быстро расширяющегося неформального сектора экономики и социальных отношений совершенно обходит характерный для этого типа социальной организации феномен структурного (эволюционного?) сдвига при сохранении примерно того же уровня сложности социального целого. Этот феномен вообще плохо вписывается в нормативную модель развития, особенно если отождествлять развитие с социокультурной эволюцией в целом.

Примечания

1. Постоянным объектом критики эта схема была в отечественной (марксистской) африканистике. Сегодня эта критика кажется избыточной. Некорректно отвергать понятие «традиционный», «современный» только на основании их «идеальности» и абстрактности. Любая научная типология строится на оперировании «идеальными типами». В этом смысле данные понятия ничем не лучше и не хуже понятий «капитализм», «рынок», «классовая борьба» и т.п. Кроме того, эта схема имеет совершенно определенную сферу применения – цивилизационную компаративистику, где она используется для сопоставления социокультурных типов обществ Запада и Востока, что очень трудно сделать с позиций

формационной теории (См. подробнее: *Ерасов Б.С.* Цивилизации Универсалии и самобытность. – М., 2002. – С. 298–321).

2. *Ranger T.* Invention of Tradition Revisited: the Case of Colonial Africa // *Legitimacy and the State in Twentieth-Century Africa Colonial.* – L., 1993.

3. *Zomberg A.R.* Creating Political Order: the Party-States of West Africa. – Chicago, 1966; *Seton-Watson H.* Nations and States. – L., 1974; *Gonidec P.-F.* Les Systemes politiques africaines. – 3-е edition. Les Nouvelles democracies. – P., 1997; Общество и государство в Тропической Африке. – М., 1980; Африка: культурное наследие и современность. – М., 1985. – С. 27.

4. При этом отмечается, что патримониализм в современной Африке является не столько устойчивым состоянием политического господства, сколько вероятностным процессом, зависящим от доступных общественных ресурсов. Когда объем ресурсов падает до минимума, прочные патронажно-клиентельные связи распадаются, и патримониализм переживает упадок, как это произошло в 80–90-е годы XX века. Кроме того, этот процесс базируется на симбиозе традиционных отношений, привнесенных конституционных норм и идеологических ориентаций и современных силовых структур, что находит отражение в понятии «неопатримониальные режимы» (*Young C., Turner T.* The Rise and Decline of the Zairian State. – Madison, 1985. – P. 166–167; *Севортьян Р.Э.* Государство и власть в современном мире: Теория. Политика. Реальность. – М., 1977. – С. 173–174; Африка: власть и политика. – М., 2004. – С. 54–55).

5. Тесную связь этих парадоксов с теорией модернизации как универсального перехода к порядку современного западного общества прослеживает Л.Г. Ионин (*Ионин Л.Г.* Основания социокультурного анализа. – М., 1995. – С. 113–116).

6. *Africa in the 1980s. A Continent in Crisis.* – N.Y., 1979. – P. 70–79.

7. Тропическая Африка: от авторитаризма к политическому плюрализму? – М., 1996; *Maldonado C., Gauftau B. et al.* L'economie informelle en Afrique francophone: structures, dynamiques et politiques. – Geneve, 2001.

8. Как отдельный тип («патологическая форма модернизации») власть клептократии, обусловленная механизмами спроса и

предложения, а не законами и правилами, была описана на африканском материале английским социологом С. Андрески в конце 1960-х гг. (*Andreski S. The African Predicament. A Study in the Pathology of Modernisation. – L., 1969*). В российской африканистике системное исследование «деструктивных форм организации власти» предпринял – преимущественно на нигерийском материале – Л.В. Гевелинг (*Гевелинг Л.В. Клептократия. Социально-политическое измерение коррупции и негативной экономики. Борьба африканского государства с деструктивными формами организации власти. – М., 2001*).

9. Теневая экономика и политическая коррупция в обществах переходного типа (Афро-азиатские страны и Россия). – М., 2001.

10. Неклесса А.И. Неопознанная культура. Гностические корни постсовременности // Глобальное сообщество. Картография постсовременного мира. – М., 2002. – С. 17–47.

11. Гевелинг Л.В. Указ. соч. – С. 184.

12. Что нашло выражение в идее «самобытного развития» как ключевого момента модернизации, противостоящего ее европоцентристским моделям (*Гордон А.В. Цивилизация нового времени между мир-культурой и культурным ареалом (Европа и Азия в XVII–XX вв.). Научно-аналитический обзор. ИНИОН РАН. – М., 1998. – С. 104–106*).

13. Формальные в том смысле, что они не могут быть соотнесены с реальностью непосредственно, без уточнения и наполнения эмпирическими данными об условиях их осуществления.

14. Ерасов Б.С. Цивилизации Универсалии и самобытность. – М., 2002. – С. 373.

15. Он же. Социальная культурология. – 2-е изд. – М., 1996. – С. 458.

16. Виганд В.К. Африка: Национальное богатство и международное перераспределение ресурсов. – М., 2004. – С. 79.

17. *Maldonado C., Gaufryau B. et autres auteurs. Op. cit. – P. 5.*

18. Термин «формальная теория» (в социальных науках) восходит к предложенному немецким философом и социологом Георгом Зиммелем в дискуссии с Э. Дюркгеймом понятию «формальная социология» (теория, разрабатывающая типологические схемы, формальные образцы, модели изменений, но не фиксирую-

щая объективные законы таких изменений). Будон Т. Критика теорий социальных изменений. – М., 1998. – С. 84–87, 239–263, 254, 268).

19. Рубцов А. Глобальный этос и постсовременный либерализм // Этос глобального мира. – М., 1998. – С. 60.

20. Лебедева Э.Е. Тропическая Африка на пороге XXI века // Мировая экономика и международные отношения (МЭ и МО). – 1999. – № 9.

21. Никак нельзя назвать прогрессом быстрое развитие на континенте «черного рынка» оружия, беззакония наемных «частных армий», грабеж алмазов, золота, меди и пр. для финансирования антиправительственных вооруженных группировок, широкое использование ими «детей-солдат».

22. Dumont R. L'Afrique Noire est mal partie. – P., 1967.

23. Неклесса А.И. Конец эпохи Большого Модерна // Постиндустриальный мир и Россия. – М., 2000. – С. 45.

24. Чешков М.А. Идея развития: возможность обновления // МЭ и МО (в печати).

25. Майданик К.Л. От уголовной статьи к глобальной проблеме // Теневая экономики и политическая коррупция... – С. 9–20.

26. Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях. – М., 1994. – С. 70–71; Социальный кризис в Африке. Есть ли выход? – М., 1999. – С. 5–7.

27. Бондаренко Д.М. Цивилизация Тропической Африки и ее судьбы в доколониальные эпохи // Цивилизации. – Вып. 4 – М., 1997. – С. 65–78.

28. Суммарная эффективность этих факторов, определяемая как «общий фактор производительности», устанавливается в соответствии с уровнем развития социальной и экономической инфраструктуры, долей квалифицированной рабочей силы, устойчивостью административного правопорядка. Для стран Тропической Африки этот показатель остается наименьшим по сравнению с другими развивающимися странами. В 1973–1985 гг. этот показатель резко упал (до –27%) (Виганд В.К. Глобализация и понятие «африканская отсталость» // Глобальное сообщество. Картография постсовременного мира. – М., 2002. – С. 363–364).

29. Clapham C.H. Discerning the New Africa // International Affairs. – L., 1998. – P. 263–269; Chabal A.A. Few Consideration of De-

mocracy in Africa // Ibid. – P. 289–303; *Makumbe J.* Is there a Civil Society in Africa // Ibid. – P. 305–317.

30. Эта тенденция отчетливо прослеживается и в отечественной африканистике (Околдованная реальность. Мир африканской ментальности. – М., 1994; *Бочаров В.В.* Власть. Традиции. Управление. Попытка этноисторического анализа политических структур современных государств Тропической Африки. – М., 1996; *Синицына И.Е.* В мире обычая. – М., 1997; Африка: власть и политика. – М., 2004).

31. Африканская цивилизация в глобализирующемся мире. По материалам конференции. – Т. I–II. – М., 2006.